Большая «дружбинская» радость этого тревожного и горького коронавирусного лета — выход новой книги нашей коллеги Галины Климовой.
Поздравляем и желаем со-чувствующих читателей!

Дмитрий Артис

Скрипка Страдивари

Галина Климова. Сказуемое несовершенного вида: Избранные стихотворения // Ставрополь: Ставролит, 2020. — 164 с.; илл. — Серия «На Кавказе».

Антонио Страдивари, будучи учеником знаменитого Амати, каждое утро бегал к мяснику за кишками трехмесячного ягненка, из которых делал струны для своих скрипок. И в этом же секрет звучания музыкальных инструментов, сделанных в мастерской Амати.

Но когда Страдивари стал известным и на скрипках появилось клеймо с его именем, на просьбы открыть секрет их звучания Страдивари отшучивался, дескать, добавляю в лак пыльцу насекомых вместе с пылью, которую собираю на полу своей мастерской. Современные исследователи с пристрастием изучали лак Страдивари, но не нашли никаких отличий от того лака, каким в то время покрывали обычную мебель. Теперь можно с уверенностью сказать, что скрипки Страдивари изучены полностью, разобраны до деталей, рассмотрены под микроскопом, просвечены всеми возможными рентгенами, однако секрет их звучания до сих пор не раскрыт — сие тайна, покрытая мраком.

Думаю, что так же не смогу раскрыть секрета звучания стихов Галины Климовой из книги «Сказуемое несовершенного вида», если начну разбирать их на тысячу составляющих, говорить об инструментарии, корнях, технике и прочих литературоведческих изысках. Но ведь можно пойти другим путем: отказаться от сальеризма, то есть разбора того, из чего сделаны стихи, и попробовать рассказать, какую музыку слышу, когда их читаю.

Первая часть: «Опыт райского сада»

Несмотря на упоминание в стихотворении «Страдивари» Кристофа Виллибальда Глюка — немецкого композитора, реформатора итальянской оперы и лирической трагедии XVIII века — по внутреннему настроению стихотворение, скорее, моцартовское, обманчиво легкое, игровое. Хотя драматическая составляющая, композиция и общий строй, где ни одна строка не довлеет над другими и все единицы текста подчинены сверхзадаче автора, безусловно, близка к реформам Глюка, ратующего за выверенность каждой ноты и за единство (в его случае) музыкального произведения. По большому счету на этой моцартовской обманчивости строится вся поэтика

Галины Климовой. Вроде рамки, обусловленные понятием «классицизм», выставлены жестко, почти как в строгих стихотворных формах, но автор чувствует себя в них, как рыба в воде, настолько свободно, что кажется, будто эти правила писались специально под нее.

Где-то скрипка моя обо мне плачет,
где-то тоненько меня *матушкой* зовёт...
(...)
что играючи страдала
и страдаючи спасёт.

Так трагедийный зачин стихотворения, по сути, материнский плач, пройдя через все сюжетные перипетии, разрешается пасторальными, полными обнадеживающего благоденствия, строками.

Характерная для этой части линия: материнство как основа бытия всех женщин — неподъемная тяжесть (мать Каина) и легкая ноша (мать Авеля) — одновременно. У лирической героини схожие черты (характера, лица, судьбы) с праматерью Евой, через которую даются переживания автора как невидимого и неназываемого главного персонажа книги.

До Авеля это было, до Авеля.
Ни я, ни Адам не знали: что такое детство.

Неразрывная связь на уровне физического родства (пуповина) со всеми «поэтами, младенцами и героями». Интонационно автор приближается к древнегреческим гимнам. Если радость, то высокая, если горе, то его непременное стоическое преодоление — долготерпение. Притом персонажи, сюжеты, к которым апеллирует автор, позаимствованы в основном из мифологии, а также из святых писаний. Поэтому можно сделать вывод, что источником вдохновения послужили все-таки тексты и музыка псалмов.

Вторая часть: «Улица Климова»

Самая музыкальная часть книги.

На общем фоне балладных песнопений, граничащих то с былинным сказом, то с куртуазными шансонетками эпохи средневековья, можно услышать вальс Вивальди и шопеновский марш, бой курантов и кадриль в алтаре, «концерт по заявкам» дворовой шантрапы и тропари с псалмами.

По объему небольшие (относительно) стихотворные тексты с хорошим эпическим замахом, в которых говорится о прошлом. При чтении возникает целостная картинка народной жизни последних пятидесяти-семидесяти лет, впрочем, как и жизни главных героев, о которых ведется повествование. Герои пребывают в гармонии с собой, но держатся немного отдельно от внешнего мира — над ним, за счет этого они предстают перед глазами читателя былинными персонажами, вокруг которых образуется сама жизнь. Здесь речь не только о Климовой — как о лирической героине, и, соответственно, о Климове — ее муже. Сама эпоха предстает в образе лучшей ткачихи страны, отплясывающей кадриль в алтаре (стихотворение «Храму Тихвинской Богоматери в Ногинске»). Вокруг ткачихи так же возникает жизнь. И как страшно от того, что у неё одно имя с Богородицей — Маша, Мария.

— Вжарь, товарищ Маша,
зажигай до гроба,
наша пролетарская напролёт любовь!
(...)

— Богородица Мария,
не страшусь гореть в огне!
Не спасай, не надрывайся,
не кручинься обо мне!

Стихотворение перекликается с поэмой Александра Блока «Двенадцать», вернее, не то что перекликается, а дополняет ее важной составляющей: если у Блока главный герой поэмы — Иисус Христос, но у Климовой главный герой стихотворения (все-таки ближе к маленькой поэме) — Дева Мария.

Нельзя обойти вниманием стихотворение «Две вдовы», которое начинается с трагической ноты: мать и дочь — неприглядные, нелепые вдовицы — идут по берегу реки, вдоль высокой воды.

Моя мама и я — мы две горьких вдовы,
неприглядных, нелепых вдовицы.

Но к финалу стихотворение разворачивается на все сто восемьдесят, ощущение трагедии уходит и возникает пастораль, где две женщины угадывают в плеске воды плывущих к ним мужей, которые будто оживают в этом библейского масштаба разливе реки, похожей на египетский Нил. Нет боли о потере кормильцев. Но есть женское переживание (страх) за своих мужей: как бы не утонули, не переборщили с ребячеством. Нависающая над стихотворением туча оборачивается светлым облаком.

Третья часть: «В отряде равнокрылых»

Нетрудно догадаться, что эти стихи посвящены «пишущей братии», среди которой Галина Климова прожила бо́льшую часть жизни. Впрямую названо только одно имя — поэта и переводчика Александра Ревича. Остальные персонажи прячутся под масками разноголосых птиц, будто на страницах Климовой разыгрывается «Свадьба соек» Александра Басилая по мотивам произведений Важи Пшавелы. Воробьи, сороки, галки, орлы... Стихи: то заливистые, яркие, такие, что ноги сами в пляс идут, то грустные, выбивающие слезу. Слышен гитарный перебор Галича, хрипы трофейного аккордеона и страстное: *бесаме, бесаме мучо...* Заканчивается эта часть игровой перепиской Сальвадора Дали с Галой, где опять звучит скрипка и звучит она «немного нервно»:

Я поймала кузнечика,
сломавшего твоё детство.
Он был скрипачом, —
вот почему ни слуха у тебя, ни духа.
Музыка, впрочем, тут ни при чём.

Четвертая часть: «Колокольня света»

Приняв эстафету, скрипка становится главным солирующим инструментом. В самом начале ее пытались заглушить «тамтамы и калебасы», но она отстояла право на лидирующее место в оркестре Галины Климовой. Теперь скрипке подвластен полный спектр настроений: от слома и надрыва до радости и успокоения.

От надрыва фольги — ветерок липкий,
живая музыка почти не подглядывала в ноты,
но жестосердые так и цепляли скрипки
и смычками тянули:
кто ты?

Хрестоматийная тема «поэт и поэзия» медленно и уверенно трансформируется и как бы раздваивается: «редактор и поэт» («Чернорабочие родной литературы») и «место женщины в литературе/поэзии» (цикл стихов «Сочинительницы»), где в строках, посвященных Татьяне Бек, об этом сказано так:

где ты никому не мать, не жена,
а только — баба, поэт,
только — крупный поздний ребёнок.

«Женскую» тему можно разглядеть и в стихотворении «Блаженная Ксения Петербуржская» о святой, которая после смерти мужа, облачившись в его одежды, приняла на себя подвиг юродства: «лишиться мужа страшней, чем рассудка/ и мнимым безумием тихо сиять»... Разрешением темы звучат строки из других стихотворений:

Я буду, как Байрон,
учить перед смертью армянский...

Или:

Кто помнит Мэри Додж, её «Серебряные коньки»?

Хотя, может, только я увидел в стихах Климовой решение вопроса о месте женщины в поэзии, а вот сама автор оставляет его без ответа?

Пятая, заключительная, часть: «В своём роде»

За скрипку не бралась долго,
потому что — еврейка.
Всё. Шабаш!

На мой взгляд, самая сильная часть книги. Где-то на заднем плане как фон звучит песня из фольклора восточноевропейских евреев «Тум-балалайка». Автор отказывается от всевозможных инструментовок и аранжировок — чистый мотив в своем первозданном виде. Ясный, как благодать. Отброшены в сторону птичьи маски. Настоящие лица и только настоящие лица. На первом плане текст — автобиографические новеллы в стихах. Христианские темы даны пунктиром, как легкие ненавязчивые метафоры. Они не забивают собой текст, не заглушают «Тум-балалайку». Хороший юмор, без цинизма, но не лишенный самоиронии. Основная линия этой части — приятие себя как цельной личности, плоть от плоти рода своего. Начинает работать название книги — «Сказуемое несовершенного вида», открываются его новые и новые планы, один из которых можно интерпретировать как: «рассказы несовершенного человека».

Только невеждам кажется: возьмешь в руки скрипку Страдивари и сразу же начнешь играть волшебную музыку. В действительности одной скрипки мало. Нужно еще что-то. А что именно — пусть останется тайной Страдивари. И пусть Галина Климова так же хранит секреты своего мастерства.